

Европейский Суд по правам человека
(Первая Секция)
Дело "Полуфакин и Чернышев
(Polufakin and Chernyshev)
против Российской Федерации"
(Жалоба N 30997/02)
Постановление Суда
Страсбург, 25 сентября 2008 г.

В деле "Полуфакин и Чернышев против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Христоса Розакиса, Председателя Палаты,
Нины Ваич,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штейнер,
Ханлара Гаджиева,
Дина Шпильманна,
Сверре-Эрика Йебенса, судей,
а также при участии Серена Нильсена, Секретаря Секции Суда,
заседая за закрытыми дверями 4 сентября 2008 г.,
вынес в тот же день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой N 30997/02, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданами Российской Федерации Сергеем Анатольевичем Полуфакиным и Иваном Владимировичем Чернышевым (далее - заявители) 24 июня 2002 г.

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена юридическая помощь, представляла О. Белячкова, адвокат, практикующий в г. Казани. Власти Российской Федерации были первоначально представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым, а затем - Уполномоченным В.В. Милинчук.

3. 20 января 2006 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Российской Федерации. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

4. Власти Российской Федерации возражали против одновременного рассмотрения жалобы по вопросу приемлемости и по существу. Рассмотрев возражения властей Российской Федерации, Европейский Суд отклонил их.

Факты

I. Обстоятельства дела

5. Заявители родились в 1966 и 1977 годах, соответственно, и проживают в г. Набережные Челны, Татарстан. В настоящее время они отбывают соответствующие наказания в исправительном учреждении N УЭ-148/5 в Свияжске, Татарстан.

1. Досудебное производство

6. 6 декабря 2000 г. Д.Е., Ю.Д. и Р.И. перевозили дорожную сумку со значительной суммой денежных средств, принадлежащих их работодателю, С.С., в автомобиле, принадлежавшем В.Г. Примерно в полночь автомобиль был остановлен четверью вооруженными лицами, переодетыми сотрудниками милиции. Двое из них имели рации. Они совершили разбойное нападение на Д.Е., Ю.Д. и Р.И. и избили их, после чего похитили дорожную сумку и некоторые другие вещи из автомобиля и скрылись.

(а) Версия заявителей

7. Вечером 7 декабря 2000 г. заявители находились в квартире Р. вместе с Ш. Примерно в 22 часа явились сотрудники милиции и обыскали квартиру. Они обнаружили дорожную сумку с деньгами и две рации.

8. В 23 часа 7 декабря 2000 г. заявители, Ш. и Р. были задержаны по подозрению в разбое. Задержание было санкционировано прокурором. Протокол задержания заявителей был составлен в 16 часов 8 декабря 2000 г.

9. После задержания первый заявитель был обыскан в отсутствие адвоката. В его кармане милицией был обнаружен бумажник со списком населенных пунктов и постов дорожной милиции* (* По-видимому, имеются в виду посты дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (прим. переводчика).), расположенных возле дороги, где было совершено преступление.

10. 8 декабря 2000 г. второй заявитель был допрошен следователями в отсутствие адвоката.

11. 9 декабря 2000 г. следователь решил применить к первому заявителю меру пресечения в виде заключения под стражу. В неустановленную дату та же мера была применена ко второму заявителю. Впоследствии сроки содержания заявителей под стражей несколько раз продлевались прокурором.

12. На вопрос о происхождении денег, найденных в квартире Р., первый заявитель пояснил, что он занял их у своего знакомого Л. Второй заявитель пояснил, что занял деньги у трех лиц: своей сестры, М.А. и И.П.

13. Следователь допросил Л. В распечатанном тексте его показаний было указано: "Я не давал [первому заявителю] деньги".

14. Сестра второго заявителя подтвердила слова брата на допросе у следователя. М.А. и И.П. не допрашивались.

15. Первый заявитель сообщил следователю, что 7 декабря 2000 г., около 1.0, он покупал продукты в ночном магазине "М." и ходатайствовал о допросе продавцов. 5 мая 2001 г. его ходатайство было отклонено.

16. Кроме того, первый заявитель просил следователей допросить Ю.И., работника автозаправочной станции, который видел его в ночь преступления.

17. В неустановленные даты Д.Е., Ю.Д., Р.И., В.Г. и С.С. были признаны потерпевшими и допрошены следователем.

18. Опознание заявителей потерпевшими и очная ставка не проводились.

19. Первый заявитель сообщил следователям, что список населенных пунктов, изъятый у него во время обыска, был подложен в его карман сотрудником милиции Т. Следователь назначил графологическую экспертизу документа. В соответствии с заключением эксперта один образец почерка был идентичен почерку первого заявителя. Первый заявитель настаивал на том, что из заключения эксперта не следовало, что почерк принадлежал ему.

20. Двое других свидетелей, Г. и Тр., предположительно сотрудники милиции, были допрошены следователем.

21. Во время нахождения в предварительном заключении первый заявитель получил записку, предположительно содержащую угрозы. Он полагал, что записка принадлежала его обвиняемому Ш.

22. После завершения расследования заявителям было разрешено ознакомиться с материалами дела.

23. 5 июля 2001 г. прокурор утвердил обвинительное заключение в отношении Р., Ш. и заявителей, которое содержало обвинения в разбое при отягчающих обстоятельствах, уничтожении имущества, незаконном хранении оружия, хранении наркотических средств и похищении официальных документов. Дело было передано в суд.

(b) Информация, представленная властями Российской Федерации

24. После задержания первый и второй заявители были допрошены в качестве подозреваемых 8 и 9 декабря 2000 г., соответственно. Они не сознались в совершении преступлений.

25. 14 декабря 2000 г. второму заявителю было предъявлено обвинение; в тот же день он был допрошен в качестве обвиняемого в присутствии защитника В.Т. Второй заявитель не высказывался относительно своего права отказаться от дачи показаний.

26. 14 или 15 декабря 2000 г. первому заявителю было официально предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого в присутствии назначенного защитника О.П. Первый заявитель сообщил следователям, что хотел бы пригласить защитника М.; последний был уведомлен о ходатайстве заявителя.

27. 21 декабря 2000 г. следователи допросили Ю.И. Он сообщил, что не помнит, какие автомобили заправлялись на станции в ночь с 6 на 7 декабря 2000 г.

28. В неустановленную дату второй заявитель сообщил следователям, что хотел бы пригласить защитника А., который был затем уведомлен об этом ходатайстве.

29. 23 марта 2001 г. заявители во время свидания с родственниками просили их пригласить М. и А. в качестве защитников.

30. В определенный момент первый заявитель сообщил следователям, что в связи с неявкой М. он хотел бы пригласить защитника А. Он отклонил юридическую помощь со стороны других адвокатов. 24 марта 2001 г. мать первого заявителя, М. и А. были уведомлены о его желании. В неустановленную дату глава коллегии адвокатов сообщил следователям, что первый заявитель не подписывал соглашение об оказании юридической помощи с М. или А. 3 апреля 2001 г. следователь отклонил ходатайство первого заявителя о приглашении М. и А. на том основании, что он не зарегистрировал их назначение в коллегии адвокатов.

31. 2 апреля 2001 г. обоим заявителям было предъявлено обвинение в совершении другого преступления в присутствии О.П., В.Т. и А. Они отказались от дачи показаний и помощи защитника. Заявители знакомились с материалами дела отдельно от П. и В.Т.

32. 5 мая 2001 г. следователь отклонил ходатайство о дополнительном допросе Ю.И.

2. Судебное производство

(а) Производство в суде первой инстанции

33. 17 июля 2001 г. в Ленинском районном суде Республики Чувашия (далее - суд первой инстанции) началось судебное разбирательство дела заявителей и двух их сообвиняемых.

34. Первый заявитель утверждает, что 17 июля 2001 г. он заявил отвод защитнику О.П., поскольку увидел, что фамилия адвоката совпадает с фамилией сотрудника милиции в протоколе обыска, составленном в отношении одного из сообвиняемых первого заявителя. 24 июля 2001 г. О.П. не участвовал в слушании.

35. Власти Российской Федерации утверждают, что в неустановленную дату второй заявитель сообщил, что не желает пользоваться услугами защитника В.Т., и попросил пригласить А. С 18 октября по 8 декабря 2001 г. его интересы представлял В.Т. Суд первой инстанции задал первому заявителю вопрос о том, желает ли он назначить другого адвоката, И., в качестве защитника; первый заявитель сообщил, что он не нуждается в помощи адвоката. 19 сентября и 21 октября 2001 г. первый заявитель вновь отказался от помощи адвоката; он не утверждал, что решение защищать себя лично обусловлено финансовыми затруднениями.

і. Показания потерпевших и свидетелей

36. 17 июля 2001 г. первый заявитель ходатайствовал перед судом первой инстанции о вызове Ю.И. и продавцов ночного магазина "М.", которые могли

подтвердить его алиби. Суд первой инстанции согласился вызвать Ю.И., но отказался вызвать продавцов, поскольку не были известны их личности.

37. 17 июля 2001 г. суд первой инстанции вызвал пятерых потерпевших для участия в слушании, назначенном на 24 июля 2001 г.

38. Письмом от 18 сентября 2001 г. потерпевшие сообщили суду первой инстанции, что отказываются участвовать в слушании. Д.Е., Ю.Д., В.Г. и С.С. пояснили, что их отказ обусловлен интересами собственной безопасности и безопасности их семей. Р.И. указал, что не может отсутствовать на работе, поскольку его некому заменить. Все потерпевшие также подтвердили свои показания, данные в ходе предварительного расследования, и просили огласить их в заседании в их отсутствие.

39. 24 сентября 2001 г. суд первой инстанции вызывал пятерых потерпевших на слушание, назначенное на 8 октября 2001 г.

40. 5 октября 2001 г. Д.Е., Ю.Д., Р.И., В.Г. и С.С. направили в суд первой инстанции письмо, аналогичное письму от 18 сентября 2001 г.

41. 26 октября 2001 г. суд первой инстанции спросил мнение сторон относительно оглашения показаний потерпевших, данных в ходе предварительного расследования. Защита заявила возражения, тогда как прокурор полагал, что ходатайство потерпевших подлежит удовлетворению. Суд первой инстанции счел, что потерпевшие не участвовали в слушании по уважительной причине; что меры для обеспечения их участия в слушании были приняты повторно; и что потерпевшие уведомили суд первой инстанции о своей неявке заблаговременно. Показания потерпевших, данные в ходе предварительного расследования, были оглашены.

42. 11 октября 2001 г. первый заявитель ходатайствовал перед судом первой инстанции о вызове Л. с целью уточнения его показаний. Протокол допроса Л. в ходе предварительного расследования был явно исправлен карандашом так, что печатный текст "я не давал ему деньги" был заменен на "я уже давал ему деньги", что изменило смысл высказывания на противоположный. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство. Л. не явился на слушание. Заявители утверждают, что суд сообщил о занятости Л. на работе и спросил каждого из соподсудимых и их адвокатов, имеют ли они возражения против оглашения показаний Л. Первый заявитель возражал против этого. Суд не оглашал показания, но отметил, что заявители сами внесли исправления во время ознакомления с материалами дела.

43. В неустановленную дату суд удовлетворил ходатайство первого заявителя о вызове Ю.И. Мать последнего сообщила суду по телефону, что ее сын уехал из дома, и его местонахождение неизвестно.

44. Адвокат Р. ходатайствовал перед судом первой инстанции о вызове К., свидетеля обвинения, который находился в квартире Р. в ночь событий и сообщил, что видел двух неизвестных лиц. Суд первой инстанции отметил, что установить местонахождение К. было невозможно.

45. 26 октября 2001 г. суд первой инстанции вынес определение по вопросу об оглашении показаний отсутствующих свидетелей. Власти Российской Федерации утверждают, что защита не заявила возражений против оглашения показаний Ю.И., К. и Л., данных в ходе предварительного расследования. Заявители утверждают, что защита возражала против оглашения показаний К. и Л. Протокол судебного заседания содержит отметку "возражения отсутствуют". Печатный текст показаний Л. и показания Ю.И. и К. были оглашены.

46. Суд первой инстанции допросил следователя, в производстве которого находилось дело заявителей. Он указал, что слышал, как Л. говорил, что не давал денег первому заявителю.

47. Первый заявитель ходатайствовал о вызове сотрудника милиции Т., который предположительно положил изъятый список населенных пунктов в его карман. Суд отклонил ходатайство на том основании, что Т. находился в командировке. Позднее Т. явился в заседание и сообщил, что неустановленный сотрудник милиции обнаружил список населенных пунктов в кармане заявителя.

48. Р. дал в суде изобличающие показания в отношении второго заявителя в части обвинения в незаконном хранении оружия.

49. Второй заявитель заявил ходатайство о вызове И.П., который предположительно одолжил ему часть денег, обнаруженных в квартире Р. Второй заявитель утверждает, что суд отказался сделать это, поскольку И.П. покинул Чувашию; второй заявитель полагает, что следователям и суду было известно местонахождение И.П. Власти Российской Федерации утверждали, что суд вызвал И.П., но он не явился в заседание.

50. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство второго заявителя о вызове другого свидетеля защиты, М.А. Последний не явился в заседание.

51. В неустановленную дату суд отклонил ходатайство первого заявителя о вызове продавцов, которые предположительно могли подтвердить его алиби, на том основании, что они не могли помнить первого заявителя, поскольку с декабря 2000 г. до октября 2001 г. прошел почти год.

52. Второй заявитель ходатайствовал о вызове сотрудников наряда дорожной милиции* (* По-видимому, имеются в виду сотрудники дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (прим. переводчика).), находившихся на дежурстве на посту недалеко от места преступления 6 декабря 2000 г. Он утверждал, что они должны были регистрировать все машины, проезжающие мимо поста, и тот факт, что его машина не была замечена, подтверждает его алиби. В неустановленную дату суд отклонил ходатайство на том основании, что сотрудники милиции не могли помнить все машины, которые они видели в ту ночь.

53. Суд огласил полученные в ходе предварительного расследования показания сестры заявителя, подтверждающие, что она давала брату деньги.

54. Показания двух свидетелей обвинения, Г. и Тр., не были оглашены на слушании; суд первой инстанции не принял их во внимание.

ii. Показания заявителей

55. 18 октября 2001 г. первый заявитель ходатайствовал перед судом первой инстанции о признании протокола его допроса в ходе предварительного расследования недопустимым доказательством на том основании, что он был допрошен без адвоката. Он утверждал, что выступил с признательными показаниями под давлением милиции. Первый заявитель утверждает, что суд первой инстанции, не рассмотрев ходатайство, огласил показания, данные в ходе предварительного расследования.

56. Второй заявитель давал показания в ходе судебного разбирательства. Поскольку его показания отличались от показаний, данных в ходе предварительного расследования, суд решил огласить последние.

iii. Обращения и ходатайства заявителей

57. Первый заявитель заявил отвод судье и народным заседателям. Он утверждал, что обвинительное заключение было основано на недопустимых доказательствах. 11 октября 2001 г. суд первой инстанции отклонил отвод как необоснованный.

58. Ходатайства первого заявителя о назначении дополнительной графологической экспертизы списка населенных пунктов, изъятого у него, и графологической экспертизы записки с угрозами, предположительно написанной Ш., были отклонены.

59. Заявители заявили отвод секретарю судебного заседания, утверждая, что она допускала ошибки при составлении протокола судебного заседания. Отвод был отклонен 29 октября 2001 г. как необоснованный.

60. Суд первой инстанции отклонил ходатайство заявителей об организации следственного эксперимента.

61. Определенные вещественные доказательства, собранные следствием, не были представлены в судебном разбирательстве. Суд первой инстанции огласил заключение эксперта об исследовании указанных предметов, составленное в ходе предварительного расследования. Первый заявитель ходатайствовал о вызове эксперта, составившего заключение. Ходатайство было отклонено.

iv. Осуждение заявителей

62. 8 ноября 2001 г. суд первой инстанции признал первого заявителя виновным в разбое, а второго заявителя - в разбое и незаконном хранении оружия и приговорил каждого из них к девяти годам лишения свободы. По другим обвинениям заявители были оправданы.

63. Суд первой инстанции установил, что вина заявителей подтверждалась показаниями всех потерпевших, свидетелей обвинения - то есть следователя, Т., К. и Л. - и в особенности показаниями Л. о том, что он не давал денег первому заявителю, и иными доказательствами, включая список населенных пунктов, изъятый у первого заявителя, и две рации, принадлежащие заявителям. Суд

первой инстанции далее установил, что показания сестры второго заявителя недостоверны, поскольку она лишь пыталась помочь брату.

64. При перечислении доказательств в приговоре суд первой инстанции передал показания второго заявителя в ходе предварительного расследования следующим образом: "[второй заявитель] имел 100 000 рублей. У них не было раций. Полуфакин и [второй заявитель] хранили деньги в своих полиэтиленовых пакетах". Он прямо не ссылаясь на данные показания для обоснования виновности второго заявителя.

65. 17 ноября 2001 г. второй заявитель направил в суд первой инстанции замечания на протокол судебного заседания. Он указал, в частности, что на странице 71 было отмечено, что отсутствовали возражения против оглашения показаний свидетелей, данных в ходе предварительного следствия, хотя он возражал и просил указать причины неявки свидетелей.

66. 21 ноября 2001 г. суд первой инстанции удостоверил правильность части замечаний второго заявителя на протокол. Некоторые замечания, включая замечание в отношении страницы 71, были отклонены.

(b) Производство в суде кассационной инстанции

67. Заявители обжаловали приговор в Верховный суд Республики Чувашия (далее - суд кассационной инстанции), ссылаясь, в частности, на то, что потерпевшие и свидетели обвинения не были допрошены в судебном заседании, и определенные моменты в показаниях потерпевших и свидетелей, данных в ходе предварительного расследования, не были уточнены. Они также утверждали, что суд первой инстанции основывался на недопустимых доказательствах, и что заключение эксперта об исследовании вещественных доказательств было сформулировано с определенной степенью вероятности. Первый заявитель жаловался на отказ суда первой инстанции в проведении дополнительной графологической экспертизы списка населенных пунктов, но не ставил прямо вопрос о его недопустимости в качестве доказательства.

68. Адвокат второго заявителя А.Т. отсутствовал на кассационном слушании. Второй заявитель утверждает, что его ходатайство об отложении заседания в связи с отсутствием адвоката было отклонено судом. Власти Российской Федерации сообщили, что А.Т. был надлежащим образом уведомлен о дате кассационного слушания, но не явился. Второй заявитель не ходатайствовал об отложении заседания в связи с отсутствием адвоката. Суд кассационной инстанции исследовал кассационную жалобу А.Т. Первый заявитель защищал себя в суде кассационной инстанции самостоятельно.

69. 8 января 2002 г. суд кассационной инстанции оставил без изменения приговор от 8 ноября 2001 г. Он указал, в частности, что вина заявителей была доказана показаниями потерпевших, данными в ходе предварительного расследования, и иными доказательствами, и что вина первого заявителя была также доказана перечнем населенных пунктов, найденным в его бумажнике. Суд кассационной инстанции далее отметил, что суд первой инстанции принял

меры для обеспечения явки потерпевших и свидетелей, и что их показания были оглашены в соответствии с российским законодательством.

(с) Иные ходатайства заявителей

70. Суд первой инстанции отклонил ходатайства заявителей об ознакомлении с материалами дела 15 и 21 ноября 2001 г.

71. Их заявления о пересмотре дела в надзорном порядке были отклонены Верховным судом Республики Чувашия 3 и 14 марта 2003 г. и Верховным Судом Российской Федерации 14 ноября 2003 г. и 15 марта 2004 г.

72. Заявители также безуспешно обращались к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации.

3. Условия заключения

(а) Доводы заявителей

73. С 8 по 18 декабря 2000 г. заявители содержались в изоляторе временного содержания в г. Чебоксары. Условия содержания были плохими. В частности, камера первого заявителя, расположенная в подвале, не была оборудована унитазом; отсутствовал водопровод; температура была ниже 10 градусов по Цельсию.

74. С 18 декабря 2000 г. по 24 января 2002 г. заявители содержались в следственном изоляторе г. Чебоксары. Камера первого заявителя была переполнена и недостаточно оборудована. Анализ крови, сделанный по прибытии первого заявителя в следственный изолятор, не выявил заражения гепатитом С.

75. С 24 января по 16 февраля, с 19 мая по 4 июня 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-16/2, г. Казань. Второй заявитель содержался там с 24 января по 22 февраля 2002 г. Их камеры были переполнены.

76. С 17 по 23 февраля и 17-18 мая 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-66/1, г. Екатеринбург. В определенный момент он находился в камере примерно с 80 заключенными.

77. С 26 февраля по 4 марта 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-24/1, г. Красноярск. Его камера была переполнена. 28 февраля 2002 г. первый заявитель письменно жаловался главе Управления Федеральной службы исполнения наказаний (далее - ФСИН) по Красноярскому краю на плохие условия содержания; на его перевод в Сибирь; и на незаконные действия сотрудников, которые конвоировали его. Он также просил о переводе в лазарет и предоставлении ингалятора. Он не получил ответа на свою жалобу.

78. С 5 по 7 марта, 14 и 26 апреля 2002 г. первый заявитель содержался в транзитной зоне учреждения N У-235/15, Красноярский край. 5 марта 2002 г. он жаловался начальнику управления ФСИН по Красноярскому краю на плохие условия содержания. Он не получил официального ответа, но был опрошен начальником транзитной зоны.

79. С 7 марта по 14 апреля 2002 г. первый заявитель находился в центральной больнице N 2 Красноярского края в удовлетворительных условиях. В больнице был сделан анализ крови, который не выявил заражения гепатитом С.

80. С 27 апреля по 16 мая 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-55/1, г. Омск. Он находился в камере с 18 заключенными. Окна камеры были загорожены железными листами.

(b) Доводы властей Российской Федерации

81. С 24 января по 16 февраля и с 19 мая по 4 июня 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-16/2, г. Казань. Камеры были оборудованы надлежащим образом. Заключенные могли пользоваться санитарным оборудованием, когда необходимо, и еженедельно мыться в бане.

82. Первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-66/1 в г. Екатеринбурге с 18 по 23 февраля 2002 г. В камере площадью 35 кв. м вместе с первым заявителем содержалось девять заключенных. Он также находился в изоляторе 17-18 мая 2002 г. в камере площадью 17 кв. м, вмещавшей 13 заключенных.

83. С 26 февраля по 4 марта 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-24/1 г. Красноярска. Камера площадью 45 кв. м была оборудована 26 кроватями. В то время в ней содержалось 22 заключенных. Первый заявитель не жаловался на условия содержания сотрудникам прокуратуры Красноярского края, которые регулярно посещали изолятор N ИЗ-24/1.

84. С 5 по 7 марта, с 14 по 26 апреля 2002 г. первый заявитель содержался в транзитной зоне исправительного учреждения У-235/15, Красноярский край. Он находился в камере площадью 50 кв. м. Одновременно с первым заявителем в ней содержалось не более 14 других заключенных.

85. С 7 марта по 14 апреля 2002 г. первый заявитель содержался в центральной больнице N 2 Главного управления ФСИН по Красноярскому краю. Он прошел медицинское обследование. В результате у него был диагностирован посттравматический артрит левого колена, и он был признан негодным к отбытию наказания в исправительных учреждениях Красноярского края.

86. С 27 апреля по 16 мая 2002 г. первый заявитель содержался в следственном изоляторе N ИЗ-55/1, г. Омск. Он находился в камере, предназначенной для четырех человек, с тремя заключенными.

4. Условия транспортировки первого заявителя

(a) Доводы первого заявителя

87. В неустановленную дату было принято решение о переводе первого заявителя из г. Казани в Красноярский край для отбытия наказания.

88. На железнодорожной станции г. Казани первый заявитель и 12-15 других заключенных были размещены в предназначенном для восьми человек

купе специального вагона для заключенных. В связи с недостаточностью места конвоиры использовали силу при размещении заключенных по купе.

89. Условия транспортировки были крайне плохими: первый заявитель и другие заключенные недоедали во время поездки; перед отбытием из следственного изолятора N ИЗ-66/1 г. Екатеринбурга первому заявителю выдали три буханки хлеба, и он не получал другой пищи в течение трех дней транспортировки по железной дороге.

90. На железнодорожных станциях заключенных сопровождали различные конвойные группы. При размещении заключенных в поезда на железнодорожных станциях все конвойные группы использовали схожие методы. В частности, однажды на железнодорожной станции заключенных заставили сидеть на корточках с опущенными головами. Затем конвоиры приказали им встать, держа голову в том же положении, и бежать к своим вагонам. Заключенные несли свои тяжелые сумки на вытянутых руках. Каждый заключенный должен был взять за руки другого. Конвоиры избивали тех, кто не повиновался.

(b) Доводы властей Российской Федерации

91. 16 февраля 2002 г. первый заявитель был отконвоирован на железнодорожную станцию г. Казани и помещен в поезд, следующий в г. Екатеринбург. В его купе находились пятеро других заключенных. 17 февраля 2002 г. поезд прибыл на железнодорожную станцию г. Екатеринбурга. Первый заявитель не жаловался должностным лицам Управления ФСИН по Свердловской области на условия транспортировки.

92. 23 февраля 2002 г. администрация следственного изолятора N ИЗ-66/1 выдала заявителю продукты на 72 часа. После этого он был направлен по железной дороге в г. Красноярск. Он был помещен в большое купе с 11 другими заключенными; конвой не использовал силу в их отношении. Поездка продолжалась 55 часов 51 минуту. 26 февраля 2002 г. первый заявитель прибыл в г. Красноярск. Он не жаловался на условия транспортировки.

93. 4 марта 2002 г. администрация следственного изолятора N ИЗ-24/1 выдала заявителю продукты на 24 часа и направила его на железнодорожную станцию г. Красноярска. Первый заявитель был размещен в большом купе поезда, где находились девять других заключенных. Конвоиры относились к заключенным уважительно и не применяли к ним силу. 5 марта 2002 г. поезд прибыл на станцию Решоты Красноярского края. Первый заявитель не жаловался на условия транспортировки или жестокое обращение со стороны конвоиров.

94. 26 апреля 2002 г. на станции Решоты заявитель был помещен на поезд, следующий в г. Омск. В большом купе с ним находились 10 других заключенных. Вагон был оборудован надлежащим образом.

95. 16 мая 2002 г. в г. Омске заявитель был помещен в поезд, следующий в г. Екатеринбург. В купе с ним находились 10 других заключенных. В его отношении не применялась сила. Он не жаловался на действия конвоя.

96. 18 мая 2002 г. в г. Екатеринбурге заявитель был помещен с пятью другими заключенными в купе поезда. 19 мая 2002 г. первый заявитель прибыл в г. Казань. Он не жаловался на действия конвоя.

5. Условия содержания в исправительной колонии N УЭ-148/5

97. 4 июня 2002 г. первый заявитель был переведен в исправительную колонию N УЭ-148/5 в г. Свияжске, Республика Татарстан.

(а) Доводы первого заявителя

98. Исправительное учреждение было переполнено, так как 2 300 заключенных содержались в помещениях, рассчитанных на 1 000 человек. Летом отсутствовала горячая вода. Заключенным, разделенным на группы по 250 человек, было разрешено еженедельно мыться в бане, оборудованной лишь шестью работающими душевыми установками. Каждая группа могла находиться в бане два часа.

99. В лазарете учреждения N УЭ-148/5 отсутствовали лекарства, необходимые при астме заявителя; питание было очень плохим; в пище отсутствовали витамины.

100. Администрация учреждения иногда теряла документы заключенных и не позволяла им делать копии материалов дел, тем самым препятствуя им в направлении жалоб в компетентные органы.

101. 6 декабря 2002 г. исполняющий обязанности начальника учреждения N УЭ-148/5 применил взыскание в отношении первого заявителя, водворив его в штрафной изолятор. Первый заявитель обжаловал в суд незаконные действия должностного лица. Его жалоба была отклонена окончательным решением от 18 декабря 2003 г.

102. В марте 2006 г. первый заявитель узнал, что 10 июня 2002 г. у него был диагностирован гепатит С.

103. В своих замечаниях от 10 ноября 2006 г. первый заявитель сообщил, что на тот момент в учреждении N УЭ-148/5 находились 1 700 заключенных.

(б) Описание события властями Российской Федерации

104. Заключенные, содержащиеся в исправительной колонии строгого режима N УЭ-148/5, жили в общежитиях. Они могли оставаться в общежитиях в определенные часы и проводить остальное время в иных помещениях, таких как производственные зоны.

105. 9 июня 2002 г. первому заявителю было отведено индивидуальное спальное место в общежитии бригады N 7. Его камера площадью 90 кв. м вмещала 44 заключенных, которые располагали 2,04 кв. м пространства на человека.

106. 7 апреля 2003 г. первый заявитель был переведен в общежитие бригады N 16, где ему было отведено индивидуальное спальное место. Его камера площадью 35 кв. м вмещала 17 заключенных, которые располагали 2,06 кв. м пространства на человека.

107. 5 сентября 2003 г. первый заявитель был возвращен в общежитие бригады N 7, где ему было отведено индивидуальное спальное место. В его камере площадью 90 кв. м содержался 41 заключенный. Каждый заключенный располагал 2,14 кв. м пространства.

108. 15 апреля 2004 г. первый заявитель был переведен в общежитие бригады N 8, где ему было отведено отдельное спальное место. Его камера площадью 90 кв. м вмещала 40 заключенных. Каждый заключенный располагал 2,25 кв. м пространства.

109. Санитарные помещения в трех общежитиях были надлежащим образом оборудованы в соответствии с требованиями законодательства страны. В частности, общежитие бригады N 8 включало три спальни комнаты, в которых находилось всего 130 кроватей. Оно было оборудовано душевой комнатой площадью 25 кв. м пятью душевыми установками, зеркалом, полкой, писсуаром и ножной ванной.

110. В учреждении N УЭ-148/5 имелась надлежащим образом оборудованная баня, которую заключенные могли еженедельно посещать согласно графику.

111. В каждом общежитии были пять раковин с кранами для горячей и холодной воды. Находясь в общежитии, заключенные могли использовать раковины и унитазы по мере необходимости. Производственные части были снабжены санитарным оборудованием и раковинами.

112. Питание, получаемое заключенными учреждения N УЭ-148/5, соответствовало нормам, установленным законом. Учреждение N УЭ-148/5 в полном объеме снабжалось продуктами во время нахождения там заявителя. Его администрация надлежащим образом контролировала качество пищи.

113. Во время нахождения в учреждении N УЭ-148/5 первый заявитель постоянно находился под медицинским наблюдением. Он регулярно проходил медицинские обследования и получал требуемую медицинскую помощь при необходимости.

114. Первый заявитель не содержался совместно с заключенными, страдавшими туберкулезом и гепатитом. Заключенные, ранее страдавшие туберкулезом, и носители вируса гепатита находились под превентивным наблюдением, но не являлись распространителями инфекции.

115. 10 июня 2002 г. первому заявителю был сделан анализ крови, показавший, что он являлся носителем вируса гепатита С. Клинические признаки гепатита у первого заявителя отсутствовали.

6. Предполагаемое отсутствие адекватной медицинской помощи, что касается второго заявителя

(а) Доводы второго заявителя

116. Второй заявитель страдал хроническим гепатитом В и С. В соответствии с медицинской справкой, выданной городской поликлиникой г. Набережные Челны 24 апреля 2003 г., второй заявитель нуждался в

специальной диете, витаминах и гепатозащитных лекарствах. Ему также было рекомендовано постоянное медицинское наблюдение.

117. 13 октября 2003 г. второй заявитель получил две таблетки "Но-шпа" в санчасти колонии N УЭ-148/2.

118. 15 января 2006 г. второй заявитель был переведен в больницу Управления ФСИН по Республике Татарстан. Во время транспортировки по железной дороге он потерял сознание. Конвоиры не располагали лекарствами, чтобы помочь ему прийти в чувство. В тот же день он был помещен в тюремную больницу.

119. С 15 января по 14 февраля 2006 г. второй заявитель содержался в палате N 2 тюремной больницы. В палате имелось одно маленькое окно размером 20x20 см и не хватало свежего воздуха и естественного света. В этот период заявитель получал лечение раствором глюкозы и гепатозащитным препаратом "Карсил".

120. Во время нахождения в больнице второй заявитель в письменной форме жаловался в районную прокуратуру на отсутствие лекарств и квалифицированной медицинской помощи в тюремной больнице.

121. 15 февраля 2006 г. второй заявитель был переведен в палату N 4 с окнами большего размера. Он узнал, что его соседи были ВИЧ-инфицированными.

122. Второй заявитель получал лекарства, которые приносил его брат по рекомендации врачей, включая гепатозащитные препараты "Гептрал" и "Эссенциале". Он терял вес, хотя придерживался предписанной диеты.

123. Письмом от 24 августа 2006 г. врач тюремной больницы сообщила адвокату второго заявителя, что некоторые лекарства, назначенные второму заявителю, приобретаются его родственниками. Она также сообщила, что невозможно установить, нуждается ли заявитель в противовирусной терапии, поскольку он выписан из тюремной больницы, и также отметила, что такая терапия может быть назначена лишь после комплексного обследования, которое не может быть проведено в исправительных учреждениях.

(b) Доводы властей Российской Федерации

124. В 1995 году заявитель был поставлен на учет в поликлинике N 4 г. Набережные Челны, Республика Татарстан, как лицо, страдающее хроническим вирусным гепатитом В и С с высокой репликационной активностью.

125. Находясь в заключении, второй заявитель регулярно проходил медицинские осмотры и рентген грудной клетки, которые не выявили клинических признаков туберкулеза. Отсутствовали клинические признаки того, что он страдал циррозом.

126. 21 февраля 2001 г. второй заявитель получил медицинскую помощь в связи с респираторной вирусной инфекцией. В августе и ноябре 2001 г. он лечился от нейродермита. У него отсутствовали травмы или телесные повреждения.

127. 19 декабря 2005 г. второй заявитель был помещен в учреждение N УЭ-148/5

с диагнозом "обострение хронического вирусного гепатита С". Он получал, в частности, "Гептрал" и "Эссенциале". 13 января 2006 г. он был выписан из учреждения N УЭ-148/5.

128. 15 января 2006 г. второй заявитель был помещен в тюремную больницу Управления ФСИН по Республике Татарстан с диагнозом "активный хронический вирусный гепатит С с холестатическим синдромом и пониженной цитолической реакцией и умеренной дисфункцией печени". Он получал адекватное лечение, но не соблюдал предписанную диету.

129. 21 марта 2006 г. состояние здоровья второго заявителя характеризовалось как стабильное.

130. 29 марта 2006 г. второй заявитель был выписан из больницы и переведен в учреждение N УЭ-148/5.

Право

I. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции, что касается условий содержания и транспортировки первого заявителя

131. Первый заявитель жаловался на основании статьи 3 Конвенции на материальные условия содержания под стражей; условия транспортировки и содержания в различных изоляторах во время транспортировки; и условия содержания в колонии N УЭ-148/5. В частности, он утверждал, что учреждения, в которых он находился, были переполнены. Он также указывал, что во время транспортировки подвергался жестокому обращению со стороны конвоиров. Первый заявитель также неопределенно жаловался на то, что в колонии N УЭ-148/5 заключенные подвергались угрозе заражения туберкулезом и гепатитом, что в лазарете не было некоторых лекарств, и что питание было скудным. Статья 3 Конвенции предусматривает:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Доводы сторон

132. Власти Российской Федерации оспаривали утверждения первого заявителя. Они отметили, что первый заявитель не доводил свои жалобы до сведения прокуратуры или судов. Таким образом, по мнению властей Российской Федерации, его жалобы на основании статьи 3 Конвенции подлежали отклонению в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции.

133. Далее они настаивали на том, что условия содержания заявителя под стражей и транспортировки были совместимы со статьей 3 Конвенции. Что касается условий содержания в колонии N УЭ-148/5, власти Российской Федерации отметили, что в исправительном учреждении заключенные содержались не в камерах, а в общежитиях. Они могли оставаться в спальнях комнатах общежития ночью и проводить дневное время в иных помещениях исправительного учреждения. Законодательно установленная норма площади в

2 кв. м на человека соблюдалась в колонии N УЭ-148/5. В связи с отсутствием клинических признаков гепатита не имеется причинной связи между содержанием заявителя в учреждениях российской пенитенциарной системы и его заболеванием. Кроме того, сам заявитель признал, что страдал гепатитом С в 1998 году. Власти Российской Федерации утверждали, что в соответствии с правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений копирование материалов дела являлось платной услугой для заключенных. Первый заявитель не обращался с жалобами к администрации колонии N УЭ-148/5 или иным надзирающим органам на отсутствие доступа к материалам дела.

134. В подтверждение своих доводов власти Российской Федерации представили фотографии спальных комнат учреждения N УЭ-148/5. Дата, в которую были сделаны фотографии, не сообщалась.

135. Власти Российской Федерации сообщили, что 22 марта 2006 г. первый заявитель письменно подтвердил, что ситуация в исправительной системе улучшилась по сравнению с 2001-2002 годами, и что "в настоящее время условия содержания совместимы с законом, я не имею претензий в части фактов, затронутых в жалобе". 22 марта 2006 г. первый заявитель письменно сообщил, что не имеет жалоб в отношении санчасти учреждения N УЭ-148/5.

136. В итоге власти Российской Федерации утверждали, что нарушение статьи 3 Конвенции в отношении первого заявителя отсутствовало.

137. Первый заявитель поддержал свою жалобу. Он сообщил, что не существовало эффективных средств правовой защиты в отношении его жалоб на условия транспортировки. Он подчеркнул, что учреждение N УЭ-148/5 было переполнено, и что количество душевых установок в бане не было достаточным с учетом числа заключенных.

138. В доказательство своих утверждений первый заявитель представил два письменных свидетельства лиц, которые отбывали наказание вместе с ним, О.К. и И.С. Согласно утверждениям О.К., который содержался в учреждении N УЭ-148/5 с февраля 2000 г., в 2002-2003 годах в камере площадью 35 кв. м содержались 53 заключенных, и трое заключенных заболели туберкулезом. И.С., который содержался в учреждении N УЭ-148/5 с 1999 года, утверждал, что в июне 2002 г. заявители размещались в секции N 1 общежития бригады N 7. В то время в данном общежитии содержались более 500 заключенных. Из-за отсутствия кроватей заключенные спали по очереди, но некоторые были вынуждены спать на полу или на табуретах. Первый заявитель в течение месяца спал на полу; после этого он спал по очереди со вторым заявителем.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

(а) Исчерпание внутренних средств правовой защиты

139. Европейский Суд напоминает, что государство-ответчик, ссылающееся на неисчерпание внутренних средств правовой защиты, обязано доказать Европейскому Суду, что средство правовой защиты было эффективным, доступным теоретически и практически в соответствующий период, то есть

было доступным, могло обеспечить возмещение в связи с жалобами заявителя и имело разумные шансы на успех (см. Постановление Большой Палаты по делу "Сельмуни против Франции" (Selmouni v. France), жалоба N 25803/94, § 76, ECHR 1999-V; и Решение Европейского Суда по делу "Мифсуд против Франции" (Mifsud v. France), жалоба N 57220/00, § 15, ECHR 2002 VIII). Европейский Суд далее напоминает, что внутренние средства правовой защиты должны быть "эффективными" в смысле предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения либо предоставления адекватного возмещения за уже произошедшее нарушение (см. Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши" (Kudla v. Poland), жалоба N 30210/96, § 158, ECHR-XI).

140. Европейский Суд прежде всего отмечает, что первый заявитель не жаловался национальным властям на какое-либо жестокое обращение со стороны конвоиров. Соответственно, возражение властей Российской Федерации в этом отношении должно быть поддержано. Таким образом, жалоба первого заявителя в части, касающейся предполагаемого жестокого обращения со стороны конвоиров, подлежит отклонению в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции.

141. Европейский Суд далее отмечает, что им уже было установлено отсутствие эффективного внутреннего средства правовой защиты в российской правовой системе в отношении жалоб, касающихся общих условий содержания в следственных изоляторах, особенно в части структурной проблемы перенаселенности (см. Постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 г. по делу "Бенедиктов против Российской Федерации"* (* Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 9/2007.) (Benediktov v. Russia), жалоба N 106/02, § 29).

142. Европейский Суд также принимает к сведению довод властей Российской Федерации о том, что первый заявитель не жаловался в прокуратуру по поводу плохих условий транспортировки по железной дороге. Однако власти Российской Федерации не доказали, что жалоба в прокуратуру могла обеспечить предупредительный эффект или компенсацию в связи с условиями транспортировки, противоречащими статье 3 Конвенции. Также они не доказали, что жалоба в суд могла быстро улучшить ситуацию первого заявителя.

143. Наконец, власти Российской Федерации утверждали, что первый заявитель не обращался с жалобами на условия содержания в исправительной колонии N УЭ-148/5 в прокуратуру или суды. Однако они не уточнили, какое требование или жалоба, по их мнению, являлись бы эффективным средством правовой защиты, и не представили иной информации о том, как такое средство могло предотвратить предполагаемое нарушение или его продолжение либо обеспечить заявителю адекватное возмещение. В отсутствие таких доказательств и принимая во внимание вышеизложенные принципы, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не обосновали свое утверждение о том, что средства правовой защиты в отношении условий транспортировки по железной дороге и содержания в исправительном

учреждении, которые заявитель предположительно не исчерпал, были эффективными (см. в числе других примеров Постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу "Кранз против Польши" (Kranz v. Poland), жалоба N 6214/02, § 23, и Решение Европейского Суда от 4 марта 2003 г. по делу "Скавинская против Польши" (Skawinska v. Poland), жалоба N 42096/98).

144. Соответственно, Европейский Суд принимает возражение властей Российской Федерации относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении жалобы первого заявителя на предполагаемое жестокое обращение со стороны конвоиров, и отклоняет их возражение в отношении жалоб на условия содержания первого заявителя в следственных изоляторах и исправительном учреждении N УЭ-148/5, а также на условия транспортировки.

(b) Соблюдение правила шестимесячного срока

145. Европейский Суд напоминает, что согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции он может принимать дело к рассмотрению в течение шести месяцев с даты вынесения окончательного решения по делу. Если, однако, изначально ясно, что заявителю не было доступно эффективное средство правовой защиты, срок начинает течь с даты обжалуемых действий или мер либо с даты, когда заявитель узнал о таком действии, его влиянии на заявителя или ущербе, причиненном заявителю (см. Решение Европейского Суда от 2 июля 2002 г. по делу "Деннис и другие против Соединенного Королевства" (Dennis and Others v. United Kingdom), жалоба N 76573/01).

146. Европейский Суд отмечает, что первый заявитель впервые выступил с жалобой на условия содержания под стражей в письме Европейскому Суду от 5 февраля 2003 г. По поводу жалоб, касающихся изолятора временного содержания и следственного изолятора в г. Чебоксары, пребывание в них первого заявителя прекратилось 18 декабря 2000 г. и 24 января 2002 г., соответственно, то есть более чем за шесть месяцев до даты подачи жалобы (см., например, Решение Европейского Суда от 16 сентября 2004 г. по делу "Нурмагомедов против Российской Федерации" (Nurmagomedov v. Russia), жалоба N 30138/02)* (* Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 5/2008.).

147. Что касается жалоб на условия транспортировки и содержания в следственных изоляторах в ходе транспортировки, Европейский Суд отмечает, что транспортировка заявителя по железной дороге завершилась 4 июня 2002 г. Следовательно, указанные жалобы были поданы за пределами срока и подлежат отклонению в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

148. Европейский Суд заключает, что обладает юрисдикцией для рассмотрения жалобы первого заявителя в части условий содержания в исправительном учреждении N УЭ-148/5 с 4 июня 2002 г. Он считает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по

каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

149. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы (см., в частности, Постановление Большой Палаты по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба N 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Однако, чтобы попасть в сферу действия статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости (см. Постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom), Series A, N 25, § 162). Европейский Суд отмечает, что в соответствии с его последовательной прецедентной практикой меры, лишаящие лица свободы, часто могут содержать неизбежный элемент страдания и унижения. Тем не менее государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы способ и метод исполнения этой меры не подвергали его страданиям и трудностям, превышающим неизбежный уровень, присущий содержанию под стражей, и чтобы, учитывая практические требования меры, связанной с лишением свободы, его здоровье и благополучие адекватно охранялись (см. Постановление Европейского Суда по делу "Валашинас против Литвы" (Vala_inas v. Lithuania), жалоба N 44558/98, ECHR 2001-VIII, §§ 101-102).

150. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что стороны не пришли к единому мнению относительно определенных аспектов условий содержания заявителя в учреждении N УЭ-148/5. Основной характеристикой условий содержания, оспариваемой сторонами, является число заключенных в камерах. Из информации, представленной первым заявителем, следует, что спальная комната была настолько переполнена, что он не имел индивидуального спального места в течение как минимум первых двух месяцев пребывания в исправительном учреждении. Власти Российской Федерации оспорили это утверждение. Они сообщили, что с 9 июня 2002 г. по 7 апреля 2003 г. первый заявитель находился в одном помещении с 44 заключенными и располагал 2,04 кв. личного пространства.

151. В этой связи Европейский Суд отмечает, что конвенционное производство, как, например, по настоящей жалобе, не во всех случаях характеризуется строгим применением принципа *affirmanti incumbit probatio* (доказывание возлагается на утверждающего), так как в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, подтверждающей или опровергающей жалобы на нарушение Конвенции. Непредставление государством-ответчиком такой информации без убедительного объяснения причин может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя

(см. Постановление Европейского Суда от 6 апреля 2004 г. по делу "Ахмет Ёзкан и другие против Турции" (Ahmet Ozkan and Others v. Turkey), жалоба N 21689/93, § 426).

152. Власти Российской Федерации имели возможность представить Европейскому Суду копии регистрационных журналов с именами заключенных, содержащихся вместе с заявителем, однако они не сделали этого. Власти Российской Федерации не утверждали, что фотографии спальных комнат, представленные Европейскому Суду (см. § 134 настоящего Постановления), были сделаны в соответствующий период 2002 года. При таких обстоятельствах Европейский Суд не считает, что данные фотографии могут опровергнуть утверждения первого заявителя. В свою очередь, первый заявитель представил два письменных свидетельства лиц, содержащихся вместе с ним, в подтверждение своих доводов. Учитывая, что власти Российской Федерации не представили убедительного объяснения причин непредставления значимой информации, Европейский Суд рассмотрит вопрос о числе заключенных в камерах на основании утверждений первого заявителя.

153. Первый заявитель утверждал, что в исправительном учреждении, рассчитанном на 1 000 заключенных, фактически содержались в разное время от 1 700 до 2 300 заключенных (см. §§ 98 и 103 настоящего Постановления). Такой уровень переполненности камер и пропускная способность бани, не соответствовавшая большому числу заключенных, негативно влияли на качество их жизни.

154. Европейский Суд напоминает, что неоднократно устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заключенных достаточным личным пространством в период предварительного заключения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Худоеров против Российской Федерации"* (* Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 7/2006.) (Khudoyorov v. Russia), жалоба N 6847/02, § 104 и последующие, ECHR 2005-X (извлечения); Постановление Европейского Суда от 16 июня 2005 г. по делу "Лабзов против Российской Федерации" (Labzov v. Russia), жалоба N 62208/00, § 44 и последующие* (* Там же. N 10/2005.); Постановление Европейского Суда от 2 июня 2005 г. по делу "Новоселов против Российской Федерации" (Novoselov v. Russia), жалоба N 66460/01, § 41 и последующие* (* Там же.); Постановление Европейского Суда от 20 января 2005 г. по делу "Майзит против Российской Федерации" (Mayzit v. Russia), жалоба N 63378/00, § 39 и последующие* (* Там же.); Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации" (Kalashnikov v. Russia), жалоба N 47095/99, ECHR 2002-VI, § 97 и последующие)* (* Опубликовано в "Путеводителе по прецедентной практике Европейского Суда за 2002 год"). Он также устанавливал, что проблемы, сказанные с содержанием в российских следственных изоляторах, носят структурный характер (см. Постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 г. по делу "Мамедова против Российской Федерации" (Mamedova v. Russia), жалоба N 7064/05, § 57* (* Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по

правам человека" N 12/2006.); и Решение Европейского Суда от 9 декабря 2004 г. по делу "Моисеев против Российской Федерации" (Moiseyev v. Russia), жалоба N 62936/00).

155. Следует провести различие между вышеупомянутыми делами, которые касаются условий содержания в следственных изоляторах, и настоящим делом, поскольку Европейский Суд еще не признавал, что условия содержания в исправительных колониях свидетельствуют о структурной проблеме с точки зрения статьи 3 Конвенции (см., в качестве противоположного примера, Постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 г. по делу "Бенедиктов против Российской Федерации" (Benediktov v. Russia), жалоба N 106/02, § 29)* (* Там же. N 9/2007.). Например, была признана явно необоснованной жалоба, касающаяся условий содержания в исправительной колонии, поскольку заявитель пользовался широкой свободой передвижения по помещениям учреждения. Однако в том деле заявитель располагал 3,5 кв. м личного пространства и не утверждал, что не был обеспечен индивидуальным спальным местом (см. Решение Европейского Суда от 16 сентября 2004 г. по делу "Нурмагомедов против Российской Федерации" (Nurmagomedov v. Russia), жалоба N 30138/02). Другая жалоба на условия содержания в исправительной колонии была отклонена как явно необоснованная, поскольку заявитель был постоянно обеспечен индивидуальной койкой (см. Решение Европейского Суда от 27 сентября 2007 г. по делу "Соловьев против Российской Федерации" (Solovyev v. Russia), жалоба N 76114/01).

156. Оставляя в стороне вопрос о наличии структурной проблемы переполненности российских исправительных колоний, Европейский Суд, тем не менее, полагает, что личная ситуация заявителя во время первых месяцев содержания в учреждении N УЭ-148/5 была плачевной.

157. Европейский Суд принимает к сведению письмо первого заявителя от 22 марта 2006 г., представленное властями Российской Федерации (см. § 135 настоящего Постановления). Он с готовностью признает, что условия содержания в учреждении N УЭ-148/5 к 2006 году улучшились. Однако такое улучшение само по себе не может оправдать плохие условия содержания заявителя в 2002 году.

158. Учитывая изложенное, Европейский Суд заключает, что в результате продолжительного отсутствия минимального комфорта, который обеспечивается нормальным ночным сном в удовлетворительных условиях, в сочетании с нехваткой личного пространства, заявитель был подвергнут переживаниям и трудностям, превышающим неизбежный уровень страдания, присущий лишению свободы. Соответственно, условия его содержания представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

159. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции, что касается необеспечения заявителя индивидуальным спальным местом в исправительном учреждении N УЭ-148/5 в 2002 году. С учетом данного вывода Европейский Суд не видит необходимости отдельно рассматривать вопрос о предполагаемом нарушении Конвенции в части иных предполагаемых

недостатков в условиях содержания в указанном учреждении в отношении первого заявителя.

II. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции, что касается неадекватной медицинской помощи второму заявителю в учреждении N УЭ148/5

160. Второй заявитель по существу жаловался на основании статьи 3 Конвенции на отсутствие адекватного лечения гепатита в учреждении N УЭ-148/5.

А. Доводы сторон

161. Власти Российской Федерации утверждали, что доводы второго заявителя были необоснованными. Учреждение N УЭ-148/5 в полном объеме снабжалось необходимыми лекарствами. Во время пребывания там заявитель находился под постоянным медицинским наблюдением. В итоге власти Российской Федерации утверждали, что второй заявитель получал адекватную медицинскую помощь и, таким образом, его жалоба была явно необоснованной. Кроме того, они ссылались на исчерпание внутренних средств правовой защиты, поскольку второй заявитель не жаловался на отсутствие медицинской помощи в прокуратуру или суд.

162. Второй заявитель поддержал свою жалобу.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

(а) Исчерпание внутренних средств правовой защиты

163. Европейский Суд вновь ссылается на установленные в его прецедентной практике принципы, касающиеся исчерпания внутренних средств правовой защиты (см. § 139 настоящего Постановления).

164. Европейский Суд подчеркивает, что власти Российской Федерации лишь отметили, что второй заявитель не подавал жалобы, касающиеся медицинской помощи, доступной ему в заключении, в национальные суды или прокуратуру. Они не уточнили, какое требование или жалоба, по их мнению, являлись бы эффективным средством правовой защиты, и не представили иной информации о том, как такое средство могло предотвратить предполагаемое нарушение или его продолжение либо обеспечить второму заявителю адекватное возмещение. При таких обстоятельствах, принимая во внимание вышеуказанные принципы, Европейский Суд находит, что власти Российской Федерации подняли вопрос о исчерпании, но не доказали свое утверждение о том, что средства правовой защиты, которые второй заявитель предположительно не исчерпал, были эффективными (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу "Кранз против Польши" (Kranz v. Poland), жалоба N 6214/02, § 23, и Решение Европейского Суда от 4 марта 2003 г. по делу "Скавинская против Польши" (Skawinska v. Poland), жалоба N 42096/98).

165. По изложенным основаниям Европейский Суд находит, что жалоба в данной части не может быть отклонена в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты.

(b) Обоснованность жалобы

166. В соответствии с вышеприведенными общими принципами, касающимися запрета жестокого обращения (см. § 149 настоящего Постановления), Европейский Суд далее напоминает, что статью 3 Конвенции нельзя толковать как закрепляющую общую обязанность освободить заключенного из-под стражи в связи с состоянием его здоровья, кроме исключительных случаев (см. Решение Европейского Суда по делу "Папон против Франции" (Papon v. France) (N 1), жалоба N 64666/01, ECHR 2001-VI, и Решение Европейского Суда от 5 апреля 2001 г. по делу "Прибке против Италии" (Priebke v. Italy), жалоба N 48799/99), однако отсутствие надлежащей медицинской помощи в месте лишения свободы может само по себе вызывать вопрос о соблюдении статьи 3 Конвенции, даже если состояние здоровья заявителя не требует его немедленного освобождения. Государство должно обеспечить, чтобы, принимая во внимание практические потребности, вытекающие из лишения лица свободы, его здоровье и благополучие охранялись бы надлежащим образом, в том числе путем обеспечения ему необходимой медицинской помощи (см. Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши" (Kudla v. Poland), жалоба N 30210/96, ECHR 2000 XI, §§ 93-94; см. также Постановление Европейского Суда от 28 января 1994 г. по делу "Уртадо против Швейцарии" (Hurtado v. Switzerland), Series A, N 280-A, заключение Комиссии, pp. 15-16, § 79).

167. Возвращаясь к жалобе второго заявителя на отсутствие необходимых лекарств в санчасти учреждения N УЭ-148/5 и тюремной больнице, Европейский Суд повторяет, что недоступность необходимых лекарств может вызывать вопрос о соблюдении статьи 3 Конвенции, если это обстоятельство негативно сказывается на состоянии здоровья заявителя или причиняет ему страдания определенной степени интенсивности (см. Решение Европейского Суда от 10 июля 2007 г. по делу "Мирилашвили против Российской Федерации" (Mirilashvili v. Russia), жалоба N 6293/04)* (* Опубликовано в "Российской хронике Европейского Суда" N 2/2008.).

168. Европейский Суд отмечает, что второй заявитель получал определенное лечение. В частности, ему были назначены гепатозащитные препараты, которыми его обеспечивал брат. Соответственно, второй заявитель не может утверждать, что на нем негативно сказалась нехватка лекарств в больнице.

169. Европейский Суд далее отмечает, что заявитель оспаривает адекватность лечения в целом. Однако он не представил медицинское заключение, подтверждающее его позицию. Европейский Суд полагает, что из письма врача тюремной больницы не следует, что состояние здоровья второго заявителя требовало какого-либо специального лечения (см. § 123 настоящего Постановления). Одна лишь невозможность проведения комплексного

обследования в исправительных учреждениях не может рассматриваться как доказательство общей неадекватности медицинской помощи, доступной второму заявителю, так как не доказано, что такое обследование было обязательно в его конкретном случае. В обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд полагает, что отсутствие определенных лекарств в санчасти учреждения не сказалось на состоянии здоровья второго заявителя настолько негативно, чтобы причинить ему страдания.

170. Рассмотрев представленные ему материалы, Европейский Суд не усматривает оснований для вывода о неадекватности медицинской помощи в связи с гепатитом, которую заявитель получал во время отбывания наказания.

171. Отсюда следует, что жалоба в данной части должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции, что касается условий содержания второго заявителя в тюремной больнице

A. Доводы сторон

172. В своих замечаниях от 10 ноября 2006 г. второй заявитель впервые неопределенно жаловался, что конвоиры не обеспечили его адекватной медицинской помощью, когда он потерял сознание 15 января 2006 г., что материальные условия содержания в палате N 2 тюремной больницы были плохими и что в палате N 4 этой больницы он находился с ВИЧ-положительными заключенными. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции.

173. Власти Российской Федерации не прокомментировали утверждения второго заявителя.

B. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

174. Что касается жалоб второго заявителя на условия содержания в тюремной больнице, Европейский Суд отмечает, что он находился в палате N 2 этой больницы с 15 января по 14 февраля 2006 г. В палату N 4 второй заявитель был переведен 15 февраля 2006 г. Власти Российской Федерации утверждают, что он был выписан из больницы 29 марта 2006 г. Европейский Суд полагает, что содержание в одной палате должно рассматриваться как продолжающаяся ситуация, и напоминает, что в таком случае шестимесячный срок начинает течь с момента прекращения ситуации (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу "Новинский против Российской Федерации"* (* Решение Европейского Суда от 6 декабря 2007 г. по делу "Новинский против Российской Федерации" (Novinskiy v. Russia), жалоба N 11982/02, в тексте данного Постановления упоминается впервые (прим. переводчика).), и Решение Европейской Комиссии от 13 октября 1986 г. по делу "B. и D. против Соединенного Королевства" (B. and D. v. United Kingdom), жалоба N 9303/81, Decisions and Reports (DR) 49, p. 44). Он отмечает, что пребывание второго заявителя в палатах N 2 и 4 закончилось 14 февраля и 29 марта 2006 г., соответственно. Таким образом, течение шестимесячного срока в отношении жалоб, касающихся условий содержания в указанных палатах, началось в

упомянутые даты. Европейский Суд отмечает, что второй заявитель впервые жаловался на условия в тюремной больнице в своих замечаниях от 10 ноября 2006 г., нарушив правило шестимесячного срока.

175. Возвращаясь к жалобе на неэффективность медицинской помощи, оказанной второму заявителю конвоирами 15 января 2006 г., Европейский Суд обращает внимание на то, что такое происшествие в силу своего единовременного характера не может свидетельствовать о продолжающейся ситуации (см., с соответствующими изменениями, Решение Европейского Суда от 3 июня 2004 г. по делу "Бернадотт против Швеции" (Bernadotte v. Sweden), жалоба N 69688/01). Европейский Суд отмечает, что из материалов, имеющихся в его распоряжении, не следует, что второй заявитель жаловался в связи с данным происшествием национальным властям. Допуская, что отсутствовали эффективные средства правовой защиты, Европейский Суд полагает, что течение шестимесячного срока началось 15 января 2006 г., тогда как жалоба была подана лишь 10 ноября 2006 г., то есть спустя более чем шесть месяцев.

176. Таким образом, Европейский Суд находит, что жалоба второго заявителя в данной части подана за пределами срока и подлежит отклонению в соответствии с [пунктом 1 статьи 35](#) Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

177. Заявители жаловались на основании [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, что их право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, поскольку полученные в отсутствие адвоката признательные показания были использованы против них в суде. Кроме того, они жаловались на основании [подпункта "d" пункта 3 статьи 6](#) Конвенции на невозможность перекрестного допроса свидетелей защиты и обвинения в судебном заседании.

178. [Статья 6](#) Конвенции в соответствующей части предусматривает:

"1. Каждый_ при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое_ разбирательство дела_ независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.()

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права_

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него..."

А. Доводы сторон

1. Власти Российской Федерации

179. Власти Российской Федерации, не согласившись с доводами заявителей, сообщили, что 8 и 9 декабря 2000 г. заявители были допрошены в качестве подозреваемых и отрицали свою вину. Они не давали признательных показаний.

180. Далее они указали, что заседания по уголовному делу заявителей неоднократно откладывались в связи с неявкой пятерых потерпевших. Суд первой инстанции принял все необходимые меры для обеспечения их явки. Потерпевшие, которые проживали в г. Набережные Челны, Республика Татарстан, отказались явиться в суд, расположенный в г. Чебоксары, Республика Чувашия, поскольку опасались за свою безопасность. Несмотря на возражения защиты, суд первой инстанции признал извинительной неявку потерпевших и огласил их показания, данные в ходе предварительного расследования.

181. Суд первой инстанции вызвал К., который не явился в заседание. Его показания, данные в ходе предварительного расследования, по ходатайству Ш. были оглашены. Л. и Ю.И. были вызваны на заседание, но не явились. Их показания, данные в ходе предварительного следствия, были оглашены, поскольку защита не заявила возражений.

182. Ходатайство заявителей о вызове продавцов магазина и сотрудников милиции было отклонено, поскольку суд первой инстанции не обладал сведениями об их личности или местонахождении. Кроме того, суд отметил, что в октябре 2001 г. указанные лица вряд ли могли помнить события 6 декабря 2000 года. П. и М.А. были вызваны в заседание по ходатайству второго заявителя, но не явились. Заявители ссылались на отсутствие перечисленных свидетелей в суде в своих жалобах. Суд кассационной инстанции счел, что вина заявителей подтверждалась иными доказательствами, и подчеркнул, что суд первой инстанции принял все необходимые меры для обеспечения явки потерпевших и свидетелей в заседание.

183. В итоге власти Российской Федерации утверждали, что ходатайства заявителей о вызове свидетелей защиты удовлетворялись на тех же условиях, что и ходатайства о вызове свидетелей обвинения, поэтому требования пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции были соблюдены.

2. Заявители

184. Заявители возражали против доводов властей Российской Федерации. В частности, они утверждали, что показания второго заявителя были оглашены в заседании. Кроме того, они настаивали на том, что защита возражала против оглашения показаний К. и Л. Заявители представили свидетельства П. и М.А., согласно которым эти двое свидетелей не получали повестки о вызове в судебное заседание.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

185. Европейский Суд считает, данные жалобы не являются явно необоснованными в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Предполагаемый самооговор

186. Европейский Суд отмечает, что из материалов, имеющихся в его распоряжении, не следует, что первый заявитель дал признательные показания, которые затем были использованы против него. Он не убежден, что показания второго заявителя, данные в ходе предварительного следствия, которые были упомянуты в приговоре от 8 ноября 2001 г. (см. § 64 настоящего Постановления), как-либо повлияли на его осуждение.

187. Следовательно, требования статьи 6 Конвенции в данном отношении нарушены не были.

(b) Свидетели

188. Поскольку гарантии, установленные подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, являются специальным аспектом права на справедливое разбирательство дела, провозглашенного в пункте 1 названной статьи, Европейский Суд рассмотрит жалобу, касающуюся уклонения от допроса свидетелей обвинения и защиты в заседании суда, с точки зрения двух этих положений, взятых совместно (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу "Аш против Австрии" (Asch v. Austria), Series A, N 203, p. 10, § 25).

i. Свидетели обвинения

alpha. Общие принципы

189. Европейский Суд вначале напоминает, что допустимость доказательств регулируется, прежде всего, правом страны и, как правило, оценка собранных доказательств входит в задачи судов страны. Задачей Европейского Суда в соответствии с Конвенцией является не установление того, были ли показания свидетелей должным образом приняты в качестве доказательства, а определение того, было ли все разбирательство, включая получение доказательств, справедливым (см. Постановление Европейского Суда от 26 марта 1996 г. по делу "Дорсон против Нидерландов" (Doorson v. Netherlands), Reports of Judgments and Decisions 1996-II, § 67, и Постановление Европейского Суда от 23 апреля 1997 г. по делу "Ван Мехелен и другие против Нидерландов" (Van Mechelen and Others v. Netherlands), Reports of Judgments and Decisions 1997-III, § 50).

190. Как правило, все доказательства должны быть представлены в публичном судебном заседании, в присутствии обвиняемого, с целью состязательного обсуждения. Имеются исключения из этого принципа, но они не должны нарушать права защиты. По общему правилу обвиняемый должен располагать адекватной и приемлемой возможностью опровергнуть и допросить свидетеля, показывающего против него, когда тот дает показания, или на более поздней стадии (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ван Мехелен и другие против Нидерландов", § 51, и Постановление Европейского Суда от 15 июня 1992 г. по делу "Люди против Швейцарии" (Ludi v. Switzerland), Series A, N 238, § 49).

191. В соответствующих случаях принципы справедливого судебного разбирательства требуют установления равновесия между интересами защиты и интересами свидетелей или потерпевших, вызванных для дачи показаний, особенно если жизнь, свобода или безопасность лица могут подвергаться угрозе, или интересами, в целом относящимися к сфере действия статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Дорсон против Нидерландов", § 70).

192. Однако приемлемыми с точки зрения статьи 6 Конвенции являются лишь строго необходимые меры, ограничивающие права защиты. Кроме того, с целью обеспечения права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство любые затруднения, причиненные защите ограничением ее прав, должны быть уравновешены процессуальными действиями судебных органов (см. там же, § 72, и Постановление Европейского Суда от 20 декабря 2001 г. по делу "P.S. против Germany" (P.S. v. Germany), жалоба N 33900/96, § 23).

193. Если осуждение основано исключительно или в значительной степени на показаниях лица, которое обвиняемый не мог допросить или не имел права на то, чтобы оно было допрошено, в ходе расследования или судебного разбирательства, права защиты ограничиваются в степени, не совместимой с гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ван Мехелен и другие против Нидерландов", § 55, и Постановление Европейского Суда от 27 сентября 1990 г. по делу "Виндиш против Австрии" (Windisch v. Austria), Series A, N 186, § 31).

beta. Потерпевшие

194. Европейский Суд отмечает, что осуждение заявителей за разбой было основано, в частности, на показаниях, данных Д.Е., Ю.Д., Р.И., В.Г. и С.С. в ходе предварительного следствия. Он полагает, что, хотя пятеро потерпевших от преступления не давали показания в суде лично, они должны рассматриваться для целей подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции в качестве свидетелей - термин, которому дается самостоятельное толкование - поскольку их показания, данные на предварительном следствии, были приняты во внимание судом первой инстанции (см. Постановление Европейского Суда от 19 декабря 1990 г. по делу "Дельта против Франции" (Delta v. France), Series A, N 191-A, § 33).

195. Европейский Суд отмечает, что организация производства по уголовному делу способом, позволяющим защитить интересы потерпевших, является относимым фактором, который должен приниматься во внимание для целей статьи 6 Конвенции. Однако причины, указанные потерпевшими для обоснования своей неявки, были достаточно неопределенными и гипотетическими и, таким образом, не представляются уважительными. В частности, Д.Е., Ю.Д., В.Г. и С.С. дважды отказывались являться в заседание, поскольку они опасались за свою безопасность. Они не представили какого-либо объяснения характеру или основаниям этих опасений. Более того, Р.И. не являлся в заседания по причине невозможности отсутствовать на работе.

196. Европейский Суд не усматривает из материалов, имеющих в его распоряжении, каким образом суд первой инстанции оценивал обоснованность страха потерпевших перед заявителями или сопоставлял необходимость нахождения Р.И. на работе с правами заявителей на защиту. Соответственно, он должен заключить, что суд первой инстанции счел доказанными причины, приведенные потерпевшими, без рассмотрения, являлись ли они реальными.

197. Учитывая, что заявители не имели возможности подвергнуть перекрестному допросу пятерых потерпевших от преступления, Европейский Суд не убежден, что интересы потерпевших и обеспечения их безопасности или трудоустройства могли оправдать значительное ограничение прав заявителей (см., с соответствующими изменениями, Постановление Европейского Суда от 28 февраля 2006 г. по делу "Красники против Чешской Республики" (*Krasniki v. Czech Republic*), жалоба N 51277/99, § 83).

198. При таких обстоятельствах нельзя признать, что судебное разбирательство в отношении заявителей было справедливым.

199. Таким образом, по делу допущено нарушение подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в отношении обоих заявителей, что касается отсутствия потерпевших в суде.

gamma. Л. и К.

200. Европейский Суд отмечает, что Л. был свидетелем обвинения, у которого заявитель предположительно занял деньги, обнаруженные милицией (см. §§ 12, 13 и 42 настоящего Постановления), а К. был свидетелем обвинения, который видел двух мужчин в квартире, где были задержаны заявители (см. § 44 настоящего Постановления). Далее он отмечает, что стороны не пришли к единому мнению о том, возражала ли защита против оглашения показаний Л., данных в ходе предварительного следствия, на заседании 26 октября 2001 г. Если первый заявитель действительно не сообщил о своем возращении, это может рассматриваться как отказ от осуществления права (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 2007 г. по делу "Вожигов против Российской Федерации" (*Vozhigov v. Russia*), жалоба N 5953/02, § 57* (* Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 3/2009.)). Европейский Суд напоминает, что отказ от осуществления права, гарантированного Конвенцией, насколько он приемлем с точки зрения национального права, должен быть недвусмысленно выражен и сопровождаться минимальными гарантиями, соответствующими его важности (см. Постановление Европейского Суда от 12 февраля 1985 г. по делу "Колоцца против Италии" (*Colozza v. Italy*), Series A, N 89, pp. 14-15, § 28; Постановление Большой Палаты по делу "Сейдович против Италии" (*Sejdovic v. Italy*), жалоба N 56581/00, § 86, ECHR 2006-...; и Постановление Большой Палаты по делу "Эрми против Италии" (*Hermi v. Italy*), жалоба N 18114/02, § 73, ECHR 2006-...).

201. Европейский Суд отмечает, что первый заявитель ходатайствовал о вызове Л. на слушание (см. § 42 настоящего Постановления). Власти Российской Федерации не оспаривали доводы заявителей о том, что они

возражали против оглашения показаний двух свидетелей на слушаниях, проводившихся до 26 октября 2001 г. Второй заявитель подал замечания на протокол судебного заседания, содержащий отметку "возражения отсутствуют" на странице 71, утверждая, что секретарь судебного заседания ошибочно не внесла в протокол возражения против оглашения показаний свидетелей (см. § 65 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах Европейский Суд находит, что недвусмысленный отказ от права первого заявителя на допрос Л. отсутствовал.

202. Более того, Европейский Суд не убежден, что заявители не возражали против оглашения показаний К., данных в ходе предварительного расследования (см. § 45 настоящего Постановления). В этой связи он обращается к доводу властей Российской Федерации, согласно которому Ш., соподсудимый заявителей, ходатайствовал об оглашении показаний К. Однако Европейский Суд не считает, что при таких обстоятельствах заявители отказались от права на перекрестный допрос свидетеля. По мнению Европейского Суда, если к суду привлечено несколько лиц, права на защиту каждого из них должны уважаться в равной степени, так как может иметь место конфликт интересов соподсудимых, и показания в пользу одного из них могут иметь неблагоприятные последствия для другого. Соответственно, Европейский Суд не считает, что заявители ясно и недвусмысленно отказались от осуществления своего права на перекрестный допрос К.

203. Европейский Суд отмечает, что национальные власти не принимали особых мер для обеспечения явки Л. и К. в суд первой инстанции. Власти Российской Федерации не выдвинули убедительных доводов в объяснение отсутствия Л. Европейский Суд полагает, что показания Л. на заседании имели бы ключевое значение для установления обстоятельств дела, поскольку они могли подтвердить или опровергнуть позицию первого заявителя, учитывая, что показания свидетеля, данные в ходе предварительного расследования, были исправлены, и их изначальный смысл не был однозначным (см. § 42 настоящего Постановления). Представляется также, что суд первой инстанции не проявил особой тщательности для обеспечения явки на заседание К., несмотря на то, что он мог пояснить суду, видел ли он в квартире Р. заявителей или иных лиц (см. § 44 настоящего Постановления).

204. Европейский Суд, таким образом, находит, что по делу допущено нарушение прав заявителей, гарантированных подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, что касается уклонения суда первой инстанции от обеспечения явки Л. и К. на заседание.

ii. Свидетели защиты

alpha. Общие принципы

205. Европейский Суд повторно напоминает общие принципы допустимости доказательств (см. § 189 настоящего Постановления). Далее, он подчеркивает, что подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции не гарантирует подсудимому неограниченного права на обеспечение явки свидетелей в суд. Как

правило, решение о необходимости или целесообразности допроса конкретного свидетеля принимается национальным судом (см. Постановление Европейского Суда от 3 февраля 2004 г. по делу "Лаукканен и Маннинен против Финляндии" (Laukkanen and Manninen v. Finland), жалоба N 50230/99, § 35). Подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции не требует явки и допроса каждого свидетеля в пользу обвиняемого: его основная цель, как следует из слов "на тех же условиях", это полное "равенство сторон" в данном вопросе (см. Постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 г. "Брикмон против Бельгии" (Bricmont v. Belgium), Series A, N 158, § 89, и Постановление Европейского Суда от 22 апреля 1992 г. по делу "Видал против Бельгии" (Vidal v. Belgium), Series A, N 235-B, § 33). Европейский Суд напоминает, что принцип равенства сторон предполагает, что заявителю должна быть "предоставлена разумная возможность излагать свои доводы по делу в условиях, которые не ставят его в существенно невыгодное положение по отношению к его оппоненту" (см. Постановление Европейского Суда от 22 февраля 1996 г. по делу "Булут против Австрии" (Bulut v. Austria), Reports of Judgments and Decisions 1996-II, § 47). Концепция "равенства сторон", однако, не исчерпывает содержание подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, а также пункта 1 названной статьи, являясь одним из его многочисленных аспектов. Задачей Европейского Суда является оценка того, было ли справедливым спорное разбирательство в целом в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 19 декабря 1990 г. по делу "Дельта против Франции" (Delta v. France), Series A, N 191-A, § 35, и Постановление Европейского Суда от 22 апреля 1992 г. по делу "Видал против Бельгии" (Vidal v. Belgium), Series A, N 235-B, § 33).

beta. И.П. и М.А.

206. Европейский Суд напоминает, что И.П. и М.А. являлись свидетелями в пользу второго заявителя, у которых он предположительно занял деньги (см. § 12 настоящего Постановления). Он отмечает, что стороны не пришли к единому мнению о том, вызывал ли суд первой инстанции И.П. и М.А. Власти Российской Федерации отметили, что суд первой инстанции удовлетворил ходатайство второго заявителя о вызове И.П. и М.А. Однако они не представили копии повесток, адресованных данным лицам. И.П. и М.А. сообщили в присутствии нотариуса, что они не получали повесток. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации имели возможность прокомментировать их свидетельства, но не воспользовались ею. Соответственно, Европейский Суд находит, что второй заявитель, в отличие от властей Российской Федерации, подтвердил свои доводы доказательствами.

207. Европейский Суд отмечает, что, если суд первой инстанции не считал нужным вызывать И.П. и М.А., он должен был отклонить ходатайства второго заявителя о вызове свидетелей в его пользу. Тем не менее суд первой инстанции формально удовлетворил указанные ходатайства, согласившись тем самым, что показания И.П. и М.А. могли иметь значение для дела. Европейский Суд, таким образом, полагает, что суд первой инстанции был обязан принять эффективные

меры для обеспечения явки заявителей в заседание путем как минимум направления повесток. Не сделав этого, суд первой инстанции не исполнил свою обязанность обеспечить явку свидетелей в пользу второго заявителя на тех же условиях, что и свидетелей обвинения, нарушив тем самым принцип равенства сторон.

208. Следовательно, по делу допущено нарушение подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, что касается уклонения от направления повесток И.П. и М.А.

gamma. Сотрудники милиции и продавцы

209. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле личности сотрудников милиции и продавцов, которые предположительно видели заявителей в ночь преступления, не были установлены. Европейский Суд далее отмечает, что суд первой инстанции установил, что показания данных свидетелей не имели решающего значения для подтверждения алиби заявителей (см. §§ 51 и 52 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах, принимая во внимание неизбежные сложности с установлением указанных лиц и их местонахождения, с которыми столкнулся бы суд первой инстанции, если бы согласился вызвать их, Европейский Суд находит, что отказ разыскивать неустановленных свидетелей и вызывать их не ограничивал права заявителей на защиту в неприемлемой степени.

210. Следовательно, в данном отношении требования подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции по делу нарушены не были.

V. Иные предполагаемые нарушения Конвенции

211. Заявители выступили с рядом других жалоб на нарушение своих конвенционных прав. В частности, они жаловались на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции на чрезмерную продолжительность разбирательства в их отношении, на то, что судья, народные заседатели и секретарь судебного заседания не были беспристрастны; и что суд первой инстанции основывался на недопустимых доказательствах и неправильно оценивал доказательства. Они, кроме того, жаловались на отказ в возбуждении надзорного производства по их делу. В соответствии с пунктом 2 статьи 6 Конвенции они жаловались на то, что суд обвинил их в фальсификации документа, высказываясь относительно происхождения исправлений в показаниях Л. Первый заявитель жаловался на то, что Т. не явился в суд сразу после ходатайства защиты, и что Г. и Тр. не явились в суд вообще. Первый заявитель также жаловался на некомпетентность адвоката по назначению. Второй заявитель жаловался на то, что суд первой инстанции основывался на показаниях его соподсудимого, данных в суде. В письме от 10 июля 2003 г. второй заявитель жаловался на основании статьи 6 Конвенции на то, что его адвокат не участвовал в кассационном слушании. В письме от 23 февраля 2004 г. заявители жаловались на основании пункта 1 статьи 5 Конвенции на продолжительность предварительного заключения и на то, что их задержание и продление срока содержания под стражей были санкционированы прокурором.

212. Принимая во внимание представленные материалы, и постольку, поскольку предмет жалоб находится в его юрисдикции, Европейский Суд не усматривает в замечаниях заявителей признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами к ней. Следовательно, жалоба в данной части подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. Применение статьи 41 Конвенции

213. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Материальный ущерб

214. Первый заявитель требовал 140 000 рублей, а второй заявитель требовал 100 000 рублей в счет возмещения материального ущерба, который они понесли вследствие обыска и изъятия их денег. Кроме того, первый заявитель требовал 252 000 рублей, а второй заявитель - 216 000 рублей в счет потери доходов, которые они получили бы, если бы не были заключены под стражу. Первый заявитель требовал 10 000 рублей в счет компенсации стоимости лекарств, изъятых администрацией места лишения свободы, второй заявитель - 19 776 рублей в счет компенсации расходов на приобретение лекарств.

215. Власти Российской Федерации оспорили выдвинутые требования. Они указали, что обоснованность действий национальных органов по предъявлению обвинения заявителям в совершении преступления не являлась предметом рассмотрения Европейского Суда в настоящем деле. Кроме того, власти Российской Федерации отметили, что требования заявителей не были подтверждены какими-либо официальными документами.

216. Европейский Суд прежде всего подчеркивает, что заявители не выступали с жалобами на предположительно незаконное изъятие денег, обнаруженных в квартире Р. Соответственно, он не усматривает причинной связи между установленным нарушением статьи 6 Конвенции и предполагаемым материальным ущербом; таким образом, он отклоняет данные требования. Далее, Европейский Суд не может строить предположений относительно того, каким бы результат разбирательства в отношении заявителей, если бы нарушение Конвенции отсутствовало (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 г. по делу "Попов против Российской Федерации"* (* Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 1/2008.) (Popov v. Russia), жалоба N 26853/04, § 260; Постановление Европейского Суда от 23 октября 1995 г. по делу "Шмаутцер против Австрии" (Schmautzer v. Austria), Series A, N 328-A, § 44; и Постановление Европейского Суда от 25 февраля 1997 г. по делу "Финдли против Соединенного Королевства" (Findlay v. United Kingdom), Reports of

Judgments and Decisions 1997-I, § 85). Таким образом, Европейский Суд считает неприемлемым присуждение заявителем компенсации в счет материального ущерба в связи с потерей доходов. Наконец, Европейский Суд не усматривает причинной связи между нарушением статьи 6 Конвенции и суммами, затраченными на лекарства; таким образом, он отклоняет эти требования.

В. Моральный вред

217. Каждый заявитель требовал 10 000 евро в счет компенсации морального вреда, причиненного в результате нарушения их конвенционных прав.

218. Власти Российской Федерации оспорили требования заявителей, считая их необоснованными и чрезмерными. По мнению властей Российской Федерации, установление факта нарушения Конвенции само по себе являлось бы достаточной справедливой компенсацией в настоящем деле.

219. Поскольку требования заявителей относятся к установлению нарушений подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд напоминает, что если заявитель осужден, несмотря на потенциальное нарушение его прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, он должен быть как можно скорее поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы требования этого положения не были нарушены, и что наиболее целесообразной формой возмещения было бы в принципе новое рассмотрение дела или возобновление производства по нему при наличии такого требования (см. Постановление Большой Палаты по делу "Оджалан против Турции" (*Öcalan v. Turkey*), жалоба N 46221/99, § 210, последняя часть, ECHR 2005-IV; Постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 г. по делу "Попов против Российской Федерации" (*Popov v. Russia*), жалоба N 26853/04, § 264)* (* Там же.). В этой связи Европейский Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса России предусматривает, что производство по уголовному делу может быть возобновлено ввиду установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции.

220. По мнению Европейского Суда, по настоящему делу можно обоснованно предположить, что заявители испытали переживания и разочарование в результате несправедливости разбирательства уголовного дела в их отношении. Кроме того, он установил нарушение статьи 3 в отношении первого заявителя, который был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Осуществляя оценку на справедливой основе, Европейский Суд присуждает первому заявителю 8 000 евро и второму заявителю 5 000 евро в счет компенсации морального вреда, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанные суммы.

С. Судебные расходы и издержки

221. Поскольку заявитель* (* Так в тексте; вероятно, имеются в виду оба заявителя (прим. переводчика).) не требовал возмещения судебных расходов и издержек, Европейский Суд не присуждает каких-либо сумм по данному основанию.

Д. Процентная ставка при просрочке платежей

222. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

1) признал жалобу приемлемой в части условий содержания первого заявителя в колонии N УЭ-148/5, а также самоговора заявителей и отсутствия возможности перекрестного допроса свидетелей обвинения и защиты в суде, а в остальной части неприемлемой;

2) постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции, что касается условий содержания первого заявителя в колонии N УЭ-148/5;

3) постановил, что требования пункта 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были, что касается предполагаемого самоговора обоих заявителей;

4) постановил, что имело место нарушение подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, что касается необеспечения национальными судами явки в суд пятерых потерпевших от преступления;

5) постановил, что имело место нарушение подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, что касается необеспечения национальными судами явки в суд свидетелей обвинения Л. и К.;

6) постановил, что имело место нарушение подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, поскольку национальные суды не вызвали в заседание И.П. и М.А., свидетелей в пользу второго заявителя;

7) постановил, что требования подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были, что касается отказа национальных судов вызвать в качестве свидетелей пользу второго заявителя сотрудников милиции и продавцов;

8) постановил:

(a) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить первому заявителю 8 000 евро (восемь тысяч евро) и второму заявителю 5 000 евро (пять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанные суммы;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

9) отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 25 сентября 2008 г. в соответствии спунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Серен Нильсен

Секретарь Секции Суда

Христос Розакис

Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагаются следующее особое мнение:

(а) совпадающее особое мнение судьи Шпильманна.

Х.Л.Р.

С.Н.

Совпадающее особое мнение судьи Шпильманна

1. Я разделяю во всех отношениях выводы Европейского Суда о нарушении подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи спунктом 1 статьи 6 Конвенции.

2. Однако я полагал бы целесообразным включить мотивировку, изложенную в § 219 Постановления, с учетом ее важности, также в резолютивную часть.

3. Я полагаю, по основаниям, указанным в моем совпадающем особом мнении, к которому присоединился мой коллега судья Малинверни (приложение к Постановлению Европейского Суда от 24 июля 2008 г. по делу "Владимир Романов против Российской Федерации" (Vladimir Romanov v. Russia), жалоба N 41461/02), что если, как в настоящем деле, государство-ответчик предусмотрело процедуру пересмотра судебных решений, долг Европейского Суда заключается не только в том, чтобы отметить наличие такой процедуры, как это сделано в § 219 Постановления, но также предложить властям ее использовать, разумеется, при условии, что заявитель того желает.

Однако это не будет возможно, если в резолютивной части отсутствует соответствующее указание.